

исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., 2011.

Самсонкина Е. Сабино Аран Гойри (1865–1903): жизнь, смерть и жизнь после смерти [Электронный ресурс] // Герника. 2009. № 8. URL: <http://www.gernika.ru/euskal-herria/7-euskal-herria/179-sabino-arana-goiri-bizitza-heriotza-eta-heriotzaren-osteko-bizitza>

Aranzadi U. Problemas de etnografía de los vascos // Revista Internacional de Estudios Vascos. 1907. No. 1.

Beltza. El nacionalismo vasco en el exilio 1876–1936. San Sebastian, 1977.

Bidart P. *Société, politique, culture en Pays basque. Bayonne, 1986.*

Corcuera Atienza J. Orígenes, ideología y organización del nacionalismo vasco (1876–1904). Siglo XXI. Madrid, 1979.

Hérelle G. Les charivaris nocturnes dans le pays basque française // Revista Internacional de Estudios Vascos. 1924. No. 15.

В.А. Попов, А.А. Бурькин, Н.А. Добронравин

СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Данная статья¹ представляет собой предварительный анализ современного состояния изучения систем терминов родства восточно-славянских народов в связи с предстоящей разработкой научно-исследовательского проекта «Традиционные и современные системы родства восточных славян: опыт исследования структурно-типологической специфики в исторической динамике», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-01-00467а «Традиционные и современные системы родства восточных славян: опыт исследования структурно-типологической специфики в исторической динамике».

Актуальность намеченного исследования определяется прежде всего тем, что специальные этнографические работы по системам терминов родства и свойства восточно-славянских народов практически отсутствуют. Даже в новейших этнографических монографиях «Русские» [2005], «Белорусы» [1998] и «Украинцы» [2000] нет соответствующих разделов.

Две проблемные лингвистические статьи А.И. Моисеева о русской номенклатуре родства [Моисеев 1962, 1963], монография А.А. Бурячок о названиях родства и свойства в современном украинском языке [Бурячок 1961], книга О.Н. Трубачева, освещающая этимологические проблемы изучения русских и славянских терминов родства [Трубачев 1959], несколько лексикологических этюдов (см., например, [Борисова 1974, 1976; Мишлей 1966]) — это почти все, чем располагают исследователи на сегодняшний день.

Разумеется, термины родства и свойства традиционно включаются во все словари русского языка, хотя в качестве их основного источника до сих пор выступает словарь В.И. Даля.

В последней четверти XX в. опубликовано некоторое количество работ, посвященных рассмотрению русской системы терминов родства в сопоставлении с иными системами, в том числе славянскими [Джумангельдыева 1975, 1976; Ашхарова 2002; Близинок 2006 и др.]. Особенностью этих публикаций является то, что они подают русскую систему терминов родства как нечто универсальное, статичное и панхроническое во временном интервале трех столетий. Авторы не характеризуют собственно русскую терминологию родства в ее отношении к системе современного русского литературного языка и к той системе родства, которая принята в среде его пользователей.

Более того, сама система терминов родства русских в таких работах используется в качестве метаязыка описания, не будучи в достаточной степени изученной, и ее специфика тем самым проецируется на описываемый (например, туркменский) материал. Другими словами, исследование терминологии родства как русских, так и белорусов и украинцев все еще отстает от единого процесса изучения номенклатуры родства в современной антропологии родства.

В то же время совершенно неизученными остаются термины родства и свойства различных говоров и диалектов восточно-славянских языков. Они представлены в «Словаре русских народных говоров» [1965–2007], который является наиболее полным словарем диалектной лексики и намного превосходит по объему и охвату территорий словарь В.И. Даля и, в отличие от последнего, отражает речь представителей

конкретных регионов, а не язык усредненных пользователей русского языка с расширенным пространственным и временным диапазоном. Немало диалектных терминов родства представлено в словарях отдельных русских, белорусских и украинских диалектов и говоров. Тем не менее исследования, посвященные этим терминам, немногочисленны и несистематичны, как и труды, рассматривающие номенклатуру родства в связи с другими объектами лингвистического или этнолингвистического исследования.

Большую помощь в изучении терминов родства русских говоров призван оказать «Лексический атлас русских народных говоров» [2005], программа составления которого предусматривает специальный сбор материалов по терминологии родства и свойства [Программа 1994]. Предполагается также уточнить ареалы использования отдельных терминов в тех или иных значениях, определить общерусские и локальные (областные, диалектные) значения ряда терминов, выявленных в художественной литературе, уточнить хронологию некоторых явлений, не зафиксированных толковыми словарями.

Далеко не исчерпана и проблематика описания диалектного материала, представленного в художественной литературе. Интересные материалы по системе терминов родства и свойства русских, относящиеся к разным периодам истории русского литературного языка, содержатся и в словарях языка писателей [Словарь языка Пушкина 1953–1957; Словарь языка Достоевского 2001; Словарь языка Михаила Шолохова 2005].

Таким образом, основным источником материалов по системе терминов родства русских, белорусов и украинцев могут стать разнообразные тексты ХХ — начала ХХI в. (произведения художественной литературы, мемуары и публицистика, исторические сочинения и образцы некоторых других жанров) и их электронные версии, отражающие в равной мере и социальный контекст, и речевой этикет, и собственный укус их авторов.

Один из главных вопросов изучения **русской системы родства** — какой социальной реальности соответствует та русская номенклатура родства, которая извлекается из современных словарей русского литературного языка, частично представлена в большинстве русских текстов ХIХ–ХХ веков и может быть представлена в виде следующего алфавитного списка: *Бабка, Брат, Внук, Внучатая племянница, Внучатый племянник, Внучка, Двоюродная сестра, Двоюродный брат, Деверь, Дед, Дочь, Дядя, Жена, Золовка, Зять, Кузен, Кузина, Мать, Муж, Невестка, Отец, Племянник, Племянница, Прабабка, Правнук, Правнучка, Пра-*

дед, Сват, Сватья, Свёкор, Свекровь, Свояк, Свояченица, Сестра, Сын, Тесть, Тётя, Тёща, Троюродный брат, Троюродная сестра, Шурин.

Как можно понять и из узуса, и из настойчивых попыток «напомнить» нам некоторые термины свойства, в избытке содержащиеся в современной периодике и в ресурсах Интернета, часть этих терминов утрачена. Следовательно, строго говоря, в современной русской номенклатуре родства они уже отсутствуют. Это означает, что приведенный выше список уже не является современной русской системой терминов родства, а отражает представления о системе родства, характерной для русской мещанской или крестьянской среды XIX — первой четверти XX в.

Термины свойства, употреблявшиеся в более высоких социальных слоях (*beau-pere, beau-mere, beau-frere, belle-soeur*), и такие термины родства, как *кузен* и *кузина*, для данной социальной среды не были характерны, и их отсутствие является четким социальным маркером. То, что некоторые термины родства и свойства рассматриваются в современном русском языке как устаревшие или уходящие из активного употребления слова, определяет хронологические границы той системы родства, которая соответствует вышеприведенному списку русских терминов родства и уже не воспринимается как система терминов родства современного русского языка, не отвечая ей по узусу (см., напр. [Буркин, Попов 2008]).

Белорусская терминология родства и свойства в значительной степени определяется этнолингвистической спецификой ареала расселения белорусов. Следует отметить, что для большинства современных белорусов родным является не белорусский, а русский (великорусский) язык. В то же время белорусский язык постоянно присутствует как язык СМИ и школы. В этих условиях белорусская лексика, связанная с родством и свойством, оказывается относительно устойчивой.

Для белорусского языкового узуса характерно обилие дублетов, когда русские и белорусские (как литературные, так и диалектные) термины родства и свойства употребляются параллельно с различными оттенками значений. Отражение прежнего доминирования польского языка как господствовавшего языка в белорусском языковом ареале также отражается в употреблении терминов родства и свойства.

В современной Белоруссии сохранению белорусской терминологии родства и свойства способствует распространение исторической литературы на белорусском языке. В такого рода текстах, а также в современной поэзии встречается использование лексем, предлагаемых читателям или слушателям в качестве древнебелорусских, независимо от

того, насколько достоверно зафиксировано их реальное бытование в период до колонизации и последующей русификации белорусского языкового ареала. Специфика белорусской исторической литературы (Вл. Короткевич и другие авторы) позволяет выдвинуть гипотезу о «заполнении недостающих звеньев». Недостающие термины родства (с неизвестным или малоизвестным употреблением до XVII в.), по-видимому, дополняются заимствуемыми из современных словарей белорусских диалектов, либо из белорусизированной польской и русской лексики.

С учетом особой значимости и устойчивости номенклатуры родства в белорусской среде представляет интерес использование терминов родства и свойства в инокультурной славянской среде в пределах Белоруссии (например, русских старообрядцев Гомельской области), а также среди белорусских татар. В последнем случае особенно интересно использование белорусской лексики в памятниках арабского письма (тафсиры). Обращение к этой группе источников в настоящее время становится обычным для лингвистических исследований по белорусистике, но в сравнительных работах по восточно-славянской терминологии родства и свойства такая лексика не изучалась. Следует уделить внимание и семантике номенклатуры родства в сравнительно-историческом освещении.

Особый источник информации о системах родства и свойства восточно-славянских народов представляет собой **терминология родства и свойства старообрядцев** Сибири, Дальнего Востока, Китая и стран Латинской Америки, живущих в иноязычном этноязыковом окружении. У них употребление терминов родства и свойства в значительной мере определяется спецификой лингвистической ситуации. Все они в различной степени (но обычно свободно) владеют локальными вариантами тюркских (казахский, уйгурский, якутский), тунгусо-маньчжурских или монгольских языков либо же китайского, испанского или португальского языков и даже кечуа (болливийские старообрядцы), а также особым вариантом русского языка. Кроме того, все они, как правило, обучались как старославянской, так и русской грамоте и получили хотя бы пассивное знание церковнославянского (в религиозной сфере) и русского литературного языков.

Другими словами, абсолютно необоснованной является широко распространенная в научной и научно-популярной литературе интерпретация языка старообрядцев как «застывшего» варианта русского языка. Сохранение ряда словоформ, вышедших из употребления в современном русском литературном языке, не означает, что язык старообрядцев оставался неизменным. В то же время лексика, используемая в

сфере родства и свойства, отличается высокой частотностью употребления и спецификой, отсутствующей в современном русском литературном языке (но в большинстве случаев известной в русских диалектах).

Так, у старообрядцев Латинской Америки в сфере родства сосуществует португальская (лузобразильская) или испанская, русская диалектная, старославянская и (реже) русская литературная лексика (подробнее см.: [Добронравин 2009]). Использование церковнославянизмов объясняется тем, что представления о родстве формируются у них как устной традицией, так и книгами, написанными на церковнославянском (Библия, «Кормчая» патриарха Иосифа).

Особое внимание в их среде обращается на кумовство. Считается желательным, чтобы крёстными были близкие родственники (например, родные сестры), с тем чтобы не сокращать число допустимых родственников по браку. Для большинства русских, белорусов и украинцев подобная стратегия выбора кумовьёв, по-видимому, нехарактерна, то есть речь идет о специфике относительно замкнутой этноконфессиональной группы в инокультурном окружении (по мнению информантов, при кумовстве «шибко далёко тянется родство, потом нельзя жениться»).

Названия кровных родственников второго восходящего и нисходящего поколений отличаются от распространенных в русском языке России лишь на фонематическом уровне (в частности, *баушка*, *внучка*). Обычное у старообрядцев словоупотребление для матери (*мама*, звательная форма *мам*) представлено и в современном русском языке. Однако апеллятивы, используемые для называния родителя мужского пола (отца), в основном носят диалектный характер (как правило, *тятя*). Кровных родственников первого нисходящего поколения родители часто называют по возрасту без указания на родство — «мой парнишка» (о сыне), «моя девчонка» (о дочери). По отношению к кровным родственникам второго нисходящего поколения используется заимствование (*бебе*, варианты *беба* и *бебака*, независимо от пола), обозначающее новорожденных и маленьких детей.

Отмечено использование названия женских родственников второго восходящего поколения (*баба*) для обозначения родственников по боковой линии с комментарием: «тятина сестра, мамина сестра». Для называния родителей мужа используются наименования родителей с уменьшительными суффиксами (*маменька*, *тятенька*).

Существенно отличается от современного русского узуса употребление терминов родства по боковой линии, а также свойства. Так, четко выделяются названия, используемые для обозначения старшего брата (*братка*) и старшей сестры (*нянька*). В семье, как правило, несколько

детей, поэтому «братка» и «нянька» обычно самые старшие среди братьев и сестер. Специального термина для младших сиблингов не отмечено. Особая терминология применяется для называния двоюродных братьев и сестер (*братанник, братан; сестрёнка, сестрянка*); в этом случае выбор лексемы определяется происхождением данной группы старообрядцев (например, с Дальнего Востока они или из Китая).

Названия свойственников отличаются как разнообразием (*шуряк, свояченица*, жена брата — *сношённица*), так и неустойчивостью, частично они, по-видимому, выходят из употребления, причем старообрядцы часто обращаются к испанскому или португальскому языкам в поисках эквивалента. Термины брачного права, зафиксированные в «Кормчей», такие как *братанна* (дочь брата), *стрый* (брат отца), *сваха* (сестра жены), *братняя* (жена брата), в устной речи старообрядцев не встречаются, несмотря на то что «Кормчая» используется для определения степеней родства.

Изучение терминологии родства и свойства старообрядцев Китая представляется также весьма актуальным, поскольку изучение такой лексики и ее употребления позволит лучше понять стратегии сохранения или утраты номенклатуры родства в иноязычном окружении.

Результаты предпринимаемого исследования могут быть востребованы при решении таких фундаментальных проблем социальной антропологии и общей этнографии, как историческая динамика социальных институтов и механизмы функционирования традиционных и архаических обществ, а также будут иметь не только научную значимость для этнографии восточных славян и Восточной Европы в целом, но и прикладное значение для межкультурной коммуникации и переводческой деятельности.

Библиография

Ашхарава А.Т. Концепт 'дитя' в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002.

Белорусы. М., 1998.

Близнюк О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тверь, 2006.

Борисова Е.Н. Женщина // Русская речь. 1974. № 5.

Борисова Е.Н. Мужчина // Русская речь. 1976. № 6.

Бурыкин А.А., Попов В.А. Актуальные проблемы изучения современной русской системы терминов родства // Радловский сборник: Научные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008.

Бурячок А.А. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Київ, 1961.

Джумангельдыева Е. О терминах кровного родства в русском и туркменском языках // Вопросы русского языка. Ашхабад, 1975.

Джумангельдыева Е. О терминах брачного родства в русском и туркменском языках // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Ашхабад, 1976.

Добронравин Н.А. Терминология родства у старообрядцев Параны (Бразилия) // Алгебра родства. СПб., 2009. Вып. 12.

Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2005.

Мишлей П. Семантические разновидности некоторых терминов родства в русском и украинском языках // Slavica. 1966. № 6.

Моисеев А.И. Типы толкований терминов родства в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. V.

Моисеев А.И. Термины родства в современном русском языке // Филологические науки. 1963. № 3.

Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. СПб., 1994. Ч. 1.

Русские. М., 2005.

Словарь русских народных говоров. Л./СПб., 1965–2007. Вып. 1–40.

Словарь языка Достоевского. М., 2001. Вып. 1–3.

Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005.

Словарь языка Пушкина. М., 1953–1957. Т. 1–4.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959.

Украинцы. М., 2000.

Т.Б. Щепанская

ГЕНДЕРНЫЕ МЕТАФОРЫ И МАРКЕРЫ В НЕФОРМАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ВОДИТЕЛЕЙ

В этой статье автомобиль — элемент материальной культуры — рассматривается в антропологической перспективе, то есть «с позиции деятеля» (такое определение антропологического подхода опирается на социологию Макса Вебера. По замечанию Т. Льюэллена [Lewellen 1992: 11], в антропологический дискурс понятийный ряд его теории действия вошел благодаря, в частности, работам А. Коэна [Cohen 1974]). Под «деятелем» в данном случае может подразумеваться любой член социума, если автомобиль включен как значимый элемент в структуру его ролевого поведения: автолюбитель и профессиональный шофер, рекламный агент и дилер автосалона — все они в процессе своей деятельности производят или актуализируют культурные смыслы, наделяют автомобиль